

«ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН» В. П. АСТАФЬЕВА КАК СЕМЕЙНАЯ САГА

Мд Таны Райхан

Ключевые слова: семейная сага, семья, сибирская деревня, отношение поколений, история государства.

Keywords: family saga, family, Siberian village, the relationship of generations, the history of the state.

DOI 10.14258/filichel(2022)3–08

Введение

Литературные произведения Виктора Петровича Астафьева, выдающегося русского писателя, всегда были предметом оживленной литературной критики. Его книга «Последний поклон» не является исключением. Сам Астафьев определил жанровую принадлежность «Последнего поклона» как «Повесть в рассказах», и, как правило, именно в этом ключе книга изучается литературоведами.

Несмотря на то что различным аспектам этой книги было посвящено немало исследований, ни один исследователь до сих пор не рассматривал эту книгу как семейную сагу. Более того, как мы увидим дальше, отдельные аспекты семейной саги в ряде случаев анализировались, но не получали подобного определения.

Ян Чжэн в своей статье «„Последний поклон“ В. П. Астафьева: История создания. Жанр» утверждает, что Астафьев в «Последнем поклоне» представляет классический жанр автобиографии, и он развивает этот подход, ориентируясь на более широкую картину, в которой выразительно звучат эпические ноты, поскольку писатель включает в повествование целый класс крестьян. Кроме того, автор утверждает, что в процессе написания автобиографии писатель выбирает иную жанровую форму (повесть в рассказах), наиболее адекватную его художественному миру [Чжэн, 2011]. В то же время, предлагая достаточный материал для обсуждения жанровой формы этой книги, Ян Чжэн не упоминает жанра семейной саги, который можно было бы обсуждать наряду с «повестью в рассказах».

В статье «В. П. Астафьев и музыка» А. И. Смирнова показывает, что любовь Астафьева к классической музыке и народной песенной культуре способствует органичному включению в повествование му-

зыкального текста, что не только углубляет философско-символический смысл сочинений автора, но и расширяет диапазон его художественных возможностей и обогащает поэтику повествования [Смирнова, 2013]. В этой интересной статье при анализе повествования автор показывает, что Астафьев демонстрирует, как музыка влияет на процесс взросления в рамках отношений между родственниками разных поколений. Этот подход прямо перекликается с формированием жанра семейной саги, но в статье эта тема остается нетронутой. Г.А. Орлова в своей работе «Виктор Петрович Астафьев: образы Родины» показывает, что тема Родины является не просто одной из тем среди других; Родина — это целостность, вершина, «образ мира» автора, в этом понятии кроется глубокий смысл произведения. Оно возникает как целое, складываясь из взаимосвязанных элементов: детство, семья, друзья, бабушка, дедушка, природа, работа, песни [Орлова, 2019]. Здесь автор также обсуждает взаимоотношения семей, принадлежащих к разным поколениям, что, конечно, можно отнести к элементам семейной саги, но автор об этом не говорит.

В работе «Система концовок рассказов и образ мира в „Последнем поклоне“ В.П. Астафьева» А.Ю. Колпаков обосновывает систему концовок в «Последнем поклоне» для интерпретации функции концовок в образе мира и приходит к выводу, что система концовок в данной книге обеспечивает динамическую основу для формирования образа мира, который сам по себе неустойчив и хаотичен [Колпаков, 2010]. Несомненно, здесь анализ концовок в «Последнем поклоне» принципиален с точки зрения жанровой специфики, определяемой как «повесть в рассказах», но совершенно очевидно, что эта система концовок также исключительно важна с той точки зрения, что она является ключевым элементом небольшого, но эпического произведения, крайне существенного для понимания драматических изменений, произошедших в советскую эпоху в сибирской деревне, и она задает ту целостность, которую не подразумевает жанр повести в рассказах.

В статье И.В. Ревенко «Реализация составляющих концепта „дом“ в „Последнем поклоне“ В.П. Астафьева» на основе анализа контекстов, репрезентирующих концепт «дом» в рассказе «Последний поклон», были выявлены его компоненты, которые можно объединить в серию тематических групп: 1) внутреннее пространство дома; 2) связь между домом и человеком; 3) гостеприимство [Ревенко, 2017]. Однако автор, рассматривая историческую эволюцию концепта дома, в котором происходит внутрисемейное общение и взаимодействие, также не связывает его с жанром семейной саги. В.В. Зверев в статье «„Последний поклон“ В.П. Астафьева и основы крестьянского мира» исследует представ-

ленный образ деревни в ключе мира-общины. Используя литературный и художественный материал, В. В. Зверев показывает, что крестьянское мировоззрение в «Последнем поклоне» сформировано благодаря общению с лесом, полем, рекой, дикой природой и т. д., и приходит к выводу, что такое мировоззрение всегда выступает основой социального единства как в настоящем, так и в прошлом, и даже влияет на структуру власти Советской России [Зверев, 2020]. Хотя в этой работе исследуются основы крестьянского мира и элементы природы для создания образа крестьянского мировоззрения, лежащего в основе социального единства, тот факт, что крестьянское мировоззрение может обсуждаться в рамках исторической и поколенческой модели семейной саги, отсутствует. Анализ этих и других работ позволяет поставить вопрос о жанровой принадлежности «Последнего поклона», в частности выяснить, можно определить его как семейную сагу или нет.

В современной литературе семейная сага — широко распространенное жанровое явление. Литературный, дефиниционный и компонентный анализ семейной саги в работах ученых, упомянутых выше, дает возможность представить эту книгу как прекрасный пример этого жанра. Таким образом, целью данной статьи является анализ книги Астафьева «Последний поклон» в ключе теоретического анализа жанра семейной саги.

Методология и методы исследования

Методологии нарративного и теоретического анализа используются в данной статье для системного анализа «Последнего поклона» в рамках жанра семейной саги. Названные виды анализа в данном исследовании дополняются методами структурно-функционального анализа и психоаналитического подхода к пониманию специфики главного героя. В статье используются также методы историко-литературного и теоретико-литературного подходов к структурной модели семейной саги Роу и Харриса, исторической модели семейной саги Роберта Стивенса, исторической и социальной модели семейной саги Кэтлин Уилер, интерактивной модели семейной саги Дженнифер Ван Влиет, а также идеологической и поколенческой модели семейной саги Дианы Хрущевой, некоторые другие модели.

Обсуждение и результаты

Семейная сага. Существует долгая дискуссия о жанре «семейная сага», который также известен как «семейная хроника». Первые семейные романы, вероятно, были вдохновлены генеалогической структурой старых исландских саг, пока семейная сага не стала самостоятельным жанром. Этот жанр также отлично подходит для оценки качества и зна-

чимости литературного произведения²⁴. В формировании современного «жанра» семейных историй европейские романисты-реалисты XIX в., возможно, были первыми. Так, доктор Валери Уильямсон предполагает, что три автора, родившиеся примерно в одно время, ответственны за развитие категории саги на английском языке. Авторы первых трех десятилетий двадцатого века — это Джон Голсуорси (1867-1933), сэр Хью Уолпол (1875-1941) и Мазо де ла Рош (1879-1961). В частности, Джон Голсуорси дал название семейной саге, когда его ранние романы о Форсайтах были впервые опубликованы в одном томе под названием «Сага о Форсайтах» [Williamson, 2003, p. 73]. «Дело Артамоновых» А. М. Горького и «Отчий дом» Евгения Чирикова также являются примерами категории романов, которые сразу рассматривались как семейная хроника. Специфика романа данного типа, как и всякого иного, во многом определяется его генезисом; так, семейная хроника по ряду признаков, несомненно, может быть соотнесена с социально-бытовым романом, получившим развитие еще в литературе XVIII-XIX вв. Сужение семейной тематики в первой половине XX в. и, напротив, ее последующее распространение имеют причины как социально-исторического, так и типологического порядка [Никольский, 2016].

Большинство семейных хроник, известных в мировой литературе, организованы по определенным принципам. Во второй половине XIX в. и в русской классической литературе появляются произведения данного жанрового типа. Эта традиция изначально сформировалась появлением большого количества дворянских родовых записок и мемуаров, а благодаря С. Т. Аксакову («Семейная хроника»), В. С. Соловьеву («Хроника четырех поколений»), М. Е. Салтыкову-Щедрину («Господа Головлёвы» и «Пошехонская старина») в художественной прозе формируется и активно развивается новый жанр [там же]. В современной русской, украинской, белорусской, польской и зарубежной литературе жанр семейной саги является одним из наиболее продуктивных жанров [Копытко, Никольский, 2017, с. 242].

Как в зарубежной, так и в российской литературоведческой традиции было высказано много мнений об этом жанре, включая его структурные, социальные, исторические, поколенческие и интерактивные аспекты. Так, Роу и Харрис говорят о структуре семейной саги, которая должна охватывать от нескольких десятков до нескольких сотен страниц в структуре прозаического повествования [Harris & Rowe, 2005]. В свою очередь, Стивенс представляет историческую модель семей-

---

²⁴ Family Saga // <https://leonmarch.bplaced.net/wordpress/?p=392>

ной саги, где он вводит понятие микрокосма, связывая его с историей одной семьи, измеряемой поколениями [Stephens, 1995]. Кэтлин Уилер пишет о таких критериях семейной саги, как 1) описание жизни нескольких поколений одной семьи, 2) описание должно быть представлено на фоне значительных исторических событий, ведущих к серьезным изменениям социального пространства, и 3) должно быть представлено многообразие семейных перспектив, происходящих в течение определенного периода времени [Wheeler, 2014]. В свою очередь, Диана Хрущева в качестве главной отличительной черты семейной саги берет смену поколений; специфический историзм семейных хроник с ее точки зрения заключается в том, что основные события, реальные исторические личности, присутствующие в произведении, как правило, не интересуют автора сами по себе, но представлены как имеющие значение именно для семьи, т. е. в качестве факторов, влияющих на формирование духовной культуры нового поколения или на изменение взглядов взрослого поколения [Хрущева, 2018, с. 101]. Дженнифер Ван Влиет представляет другой подход к семейной саге. Она рассматривает семейную сагу как жанр, в котором семейная динамика формирует индивидуальные идентичности и специфическое взаимодействие человека с внешним миром. Она также определяет внутрисемейные взаимодействия, которые являются основой для формирования идентичности членов семьи, как элемент, преобладающий в семейной саге [Vliet, 2011]. Хотя вышеупомянутые критики придерживаются несколько разных точек зрения относительно подходов, определяющих семейную сагу, все они одинаково важны для нас при обосновании жанровой специфики «Последнего поклона», поскольку добавляют отдельные нюансы к общему пониманию жанра.

«Последний поклон» как семейная сага. В. П. Астафьев твердо убежден, что преданность и любовь необходимы для создания любого литературного произведения. Он воплощает эту веру в «Последнем поклоне». Эта книга — одна из его лучших работ, где он изображает свой путь из детства во взрослую жизнь, а также путь членов своей семьи. Естественно, что он опирается на собственный опыт жизни в Советской России. Здесь он предстает как человек, оказывающийся под влиянием различных аспектов семейной, социальной, исторической и (в более широком смысле) советской культуры. В книге автор опирается на память о своем детстве. Чтобы воскресить свои детские воспоминания, он в ходе написания книги несколько раз посещал Енисей, Обь и Урал, и это помогало окунуться в прошлое. По его собственным словам, «...Продол-

жались раздумья, воспоминанья, продолжалась во мне книга»²⁵ (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 844). Описание прошедших лет становится более реалистичным благодаря уникальной структуре книги, которая нечасто встречается не только в русской, но и в зарубежной, в частности английской, литературе: она издана в форме большого романа, состоящего из отдельных историй, написанных в биографическом ключе. Таким образом, не только опираясь на свою память, но и посещая родные места снова и снова, Астафьев пытается глубоко и разносторонне представить историю нескольких поколений.

Если обратиться к понятию семейной хроники (или семейной саги, эти термины используются в современном литературоведении в качестве синонимов), легко показать, что она становится основным жанром, позволяющим на примере одной семьи рассказывать о распаде империи, упадке старого государства и рождении нового. Именно так определяет содержание семейной хроники Е. В. Никольский [Никольский, 2011]. Хотя в «Последнем поклоне» Астафьева уже нет упоминания об империи, ушедшей в историю в 1917 г., он следует логике, представленной в статье Никольского. Он говорит здесь о крушении русской государственности с точки зрения упадка старых традиций и рождения новых. Вполне естественно, что проще всего показать смену господствующих идеологий через смену поколений. Детальное изучение и разработка этой темы естественно приводит писателей к созданию семейной хроники [Хрущева, 2018, с. 101]. Эта тема прекрасно представлена в данной книге. Мы видим, как автор рисует картину смены идеологий у разных поколений на фоне драматических изменений в сибирской деревне в эту переходную эпоху. Кэтлин Х. Уилер полагает, что следует говорить в первую очередь не о меняющихся идеологиях, а об истории, обществе и обстановке, в которых живут разные поколения одной семьи. Она определяет семейную сагу как литературный жанр, который позволяет показать, каким образом разные поколения одной семьи проходят через исторические события, изменения социальных обстоятельств, обретение и потерю богатства, и это делается с разных точек зрения при описании определенного периода [Wheeler, 2014]. Кроме того, «Последний поклон» манифестирует элементы семейной саги, определяемые как концепцией Дианы Хрущевой, которая говорит об идеологических расхождениях между поколениями, так и концепцией Уилера, который обсуждает исторические, социальные и имущественные различия между поколениями.

---

²⁵ Здесь и далее ссылки даны на издание: Астафьев В. Последний поклон: Повесть в рассказах. М.: Изд во Эксмо, 2003.

Как уже было сказано, характеризуя общие идеологические особенности поколений, Астафьев выстраивает «Последний поклон» в виде собрания своих подлинных переживаний и воспоминаний о реальной жизни с 1930-х по 1990-е гг. Уже временные рамки, заданные автором, позволяют нам рассматривать эту книгу как семейную сагу. Исследователи отмечают, что в семейной саге время повествования обычно охватывает несколько десятилетий. Эта книга также включает в себя большинство исторических событий, социальных изменений, достижений и потерь, связанных с семьей рассказчика почти на протяжении полувека. В этом отношении данная книга соответствует и концепции Роберта О. Стивенса. Согласно его теории литературной семейной саги, в ней повествование представляет семейный опыт на протяжении нескольких поколений, описывая его с разных точек зрения, и тем самым выстраивая, по словам Стивенса, «микрокосм своего времени» [Stephens, 1995]. Тем самым этот жанр раскрывает изменения в идентичности, политических убеждениях, социальных и семейных ролях внутри «единокровной семьи на протяжении истории, измеряемой по крайней мере тремя поколениями» [Stephens, 1995].

Н. В. Копытко и Е. В. Никольский задают несколько иную точку зрения, говоря, что художественное время в семейной саге представлено жизнью двух-четырех поколений, т. е. необязательно тремя. Главное — что жизнь семьи занимает значительный период в истории общества. Это добавляет еще одну специфическую характеристику данного жанра — связь между историей страны и историей семьи [Копытко, Никольский, 2017, с. 241]. Эта связь, конечно же, существует, но ведущим остается семейный аспект. Думается, что концепция Стивенса о существовании именно трех поколений как стержня повествования является более операциональной. Связь истории семьи с жизнью государства достаточно очевидна. Астафьев, представляя образы семей Потылицыных, Астафьевых и Левонтьевских, не случайно рассказывает историю именно трех поколений.

В эти три поколения входят соответствующие персонажи каждой из трех семей: первое поколение включает бабушку и дедушку рассказчика по материнской и отцовской линии из семей Потылицыных и Астафьевых; второе поколение включает родителей Вити и их братьев и сестер из этих двух семей и дядю Левонтия и его жену из семьи Левонтьевских; сам рассказчик, его двоюродные братья и сестры по материнской и отцовской линии и дети мистера Левонте из семьи Левонтьевских представляют третье поколение.

Семейная сага обычно имеет дело с одной или несколькими взаимосвязанными семьями. В этой книге рассказчик обсуждает семью своего отца, семью своей матери и одну соседнюю семью, которая глубоко связана с двумя другими семьями во всех перипетиях их жизненных ситуаций. Данный аспект книги становится более актуальным, когда сам Астафьев чувствует ответственность писать *«о своих земляках, в первую голову о своих односельчанах, о бабушке и дедушке и прочей родне»* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 843) и говорит: *«Вот и начал я помаленьку да полегоньку писать рассказы о своем детстве, о селе родном и его обитателях, о дедушке и бабушке, ни с какой стороны не годных в литературные герои той поры»* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003). Вся книга представлена тридцатью двумя рассказами, при этом семья отца Астафьева изображена только в рассказах «Бурундук на кресте», «Карасиная погибель», «Без приюта», «Сорока», «Забубенная головушка», а соседняя семья Леонтьевых — в рассказах «Конь с розовой гривой», «Монах в новых штанах», «Осенние грусти и радости», «Где-то гремит война». В то же время семья Потылицыных изображена в 25 рассказах. Историзм семейной саги своеобразен: крупные события и реальные исторические личности, например руководители государства, не представляют интереса для автора, а представлены в книге лишь в той степени, насколько они важны для жизни описываемых семей, насколько они влияют на формирование характера подрастающего поколения или на изменение взглядов взрослого поколения.

Очевидно, что события отечественной истории влияют на жизнь семьи, трансформируют ее образ жизни, задают новые ценности, меняют жизнь героев. Но ценно то, что авторы семейной саги предлагают иной взгляд на историю, существенно отличный от того, который представлен в собственно исторических романах. Принципиальная разница здесь в том, что и в историческом романе автор часто напрямую описывает известных исторических личностей. Например, «Война и мир» Льва Толстого дает портреты известных людей, которые оказались включенными в события, связанные с вторжением Наполеона в Россию. На самом деле большинство исторических произведений, возьмем хотя бы «Медного всадника» Паулины Симонс, «Севастопольские рассказы» Льва Толстого, «В круге первом» Александра Солженицына, «Империя должна умереть» Михаила Зыгаря, «Петра Великого» Роберта К. Мэсси, «Доктора Живаго» Бориса Пастернака и т.д., могут рассматриваться как исторические записи, раскрывающие реально протекавшие события и описывающие реальных исторических личностей. Но, в отличие от семейной

саги, в этих произведениях исторические события и исторические деятели интересны для авторов сами по себе.

В «Последнем поклоне» Астафьев упоминает некоторые исторические события, но не для того, чтобы сосредоточиться на историческом фоне и соответствующих фигурах. Его принципиально интересуют не события как таковые, а лишь влияние этих исторических событий на жизнь разных поколений описываемых семей. Очевидно, что ход истории во многом определил жизнь героев. Особенно это относится к раскулачиванию, предшествовавшему кампании политических репрессий. В ходе раскулачивания только депортировано было более 1,8 млн крестьян [Conquest, 1987]. В это время были арестованы отец, дед и прадед рассказчика. Автор говорит о коллективизации, когда миллионы крестьян были вынуждены отказываться от своей земли и вступать в колхозы. Цель коллективизации состояла в ликвидации частной собственности и переводе крестьян в коллективные хозяйства, которые считались более производительными, чем мелкие индивидуальные хозяйства. Крестьяне не хотели отдавать свою собственность бесплатно и сопротивлялись коллективизации [Viola, 1996, p. 70]. В 1932-1933 гг. начался голод, который привел к страшным последствиям. В книге рассказывается о страданиях, которые пришлось пережить русскому народу. Но автор не пытается обобщать эту ситуацию до масштабов всей страны, он описывает ее через историю одного конкретного села. Семья Вити тоже стала жертвой этой ситуации: *«В тридцать третьем году наше село придавило голодом. Замолкли песни, заглохли свадьбы и гулянки, притихли собаки, не стало голубей. Шумные ватаги ребятишек не сыпались на санках с яра, скотина во дворах ревела под ножом, кони начали падать среди улиц. Сразу захмурили и вроде бы состарились дома. Углы у них были, как челюсти у голодных людей, сухи и костлявы»* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 110).

Конечно, автор не мог обойти вниманием события Великой Отечественной войны. В то же время, следуя логике жанра, автор не сосредотачивается на исторических событиях, а привлекает внимание к влиянию войны на жизнь описываемых семей во время войны и после нее. Обычно большая война служит фактором значительных перемен как на национальной, так и на международной арене, и ее присутствие в этой биографической книге усиливает историзм повествования. Война в этой книге, как и в любой другой семейной саге («Сага о Форсайтах», «Будденброки» и др.), приводит к разрушениям и радикальным изменениям в обществе, ломая и трансформируя его социальную и экономическую структуру. Последствия войны включают в себя долгосрочные физиче-

ские и психологические изменения для персонажей этой книги независимо от поколения.

Таким образом, вполне определенный набор особенностей, характеризующих эту книгу, открывает возможность четко определить ее жанровый характер. Роу и Харрис считают, что в современных печатных форматах семейные хроники варьируют по размеру от нескольких десятков до нескольких сотен страниц [Harris & Rowe, 2005], и их оценка размера стандартного объема семейной саги идеально соответствует размерам «Последнего поклона», который охватывает более семисот страниц. Кроме того, в рамках данного жанра семейная единица должна анализироваться органично, как если бы она была самостоятельным персонажем. Семья обеспечивает каждого члена идентичностью и набором ожиданий и ролей, которые не могут существовать вне семьи, и задает тон для внутрисемейных взаимодействий [Vliet, 2011]. Каждый персонаж в этой книге описан как независимая личность, что проявляется в поступках и мыслях. Но все персонажи, как было сказано выше, объединены органически. Они всегда друг с другом как в счастье, так и в горе. Они проявляют сострадание друг к другу во время опасности и заботятся друг о друге во время болезней. *«Время пристало голодное, но родичи жалели и кормили меня сытней даже, чем своих детей»* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 491). Например, поскольку Витя — сирота, другие члены его семьи считают своим моральным долгом заботиться о нем. Рассказчик говорит: *«В эти дни бабушкиной болезни я обнаружил, как много родни у бабушки и как много людей, и не родных, тоже приходят пожалеть ее и посочувствовать ей»* (Виктор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 86).

Для данного жанра принципиально то, что любой, маленький или большой, семейный инцидент, будь то рождение нового члена семьи или чья-то смерть, болезнь, как физическая, так и психическая, случайные события, семейные проблемы, которые определяются религиозными, политическими или внешними социальными проблемами, индивидуальными эмоциями и т.д., — все это важно для внутрисемейных отношений и находит свое выражение в рамках семейной саги. Эти подробности мастерски зафиксированы в книге Астафьева. Даже большинство отдельных эпизодов, таких как «сбор клубники», «посадка деревьев», «сбор сена», «празднование дня рождения», «свадьба», «рыбалка» и т.д., работают как образы, составляющие основу семейной саги. В качестве примера можно привести празднование дня рождения Катерины Петровны, о котором рассказчик говорит: *«Вскоре после Ильина дня, как только заканчивался сенокос, в наш дом собиралась вся многочисленная родня — гостевать, точнее, праздновать день бабушкиного рождения»* (Вик-

тор Астафьев. Последний поклон. 2003, с. 167). Как упоминалось выше, смерть также широко обсуждается как существенный элемент семейной саги. Это неизбежно в человеческой жизни. Смерть приносит с собой важные изменения в личном, социальном и историческом контексте любого поколения. Она радикально перекраивает жизнь всех персонажей, связанных с умершим человеком. Например, смерть Лидии меняет судьбу ее сына Вити, оказывает травмирующее воздействие на психологию ее матери Катерины Петровны и заставляет ее брата чувствовать вину за то, что он не смог спасти Лидию. Таким образом, шествие смерти мы наблюдаем от начала до конца этой книги. Список уходящих растет. Превосходно описаны гибель первого поколения и гибель некоторых персонажей второго и третьего поколений.

Большие семьи — это всегда зона комфорта для любого писателя, занимающегося семейными проблемами. Но как малые, так и большие проблемы, влияющие на человеческие отношения внутри семьи и вне ее, можно обнаружить и в небольших семьях. На самом деле то, как писатель описывает маленькие семьи, живущие в рамках одного сообщества, их отношение друг к другу и как они реагируют друг на друга, может быть важным источником для изучения жанра семейной саги. Потому что обычно семьи склонны делиться своим счастьем и горем, хорошим и плохим. В некоторых случаях может возникнуть конкуренция. Большинство персонажей, в том числе и главный герой, переезжают в другие места, иногда ради брака, иногда в поисках заработка, а иногда в силу внешних обстоятельств. Например, главный герой книги Витя жил с бабушкой и дедушкой по материнской линии в Овсянке до второго брака отца. Но после возвращения отца из тюрьмы и его второго брака Витя был вынужден переехать в Игарку, затем его отправили в детский дом, а оттуда, окончив школу, он пошел в армию, во время войны вынужден был переезжать в разные места, в том числе в Бердск, Новосибирск, Калугу. С переменами места его жизнь менялась по-разному как в положительную, так и в отрицательную сторону. Перемены места — неотъемлемая часть семейной саги. Важно отметить, что в семейной саге члены семьи не ограничены одним местоположением, а перемещаются из одного места в другое в поисках средств к существованию или по другим причинам, которые могут формировать, реформировать, создавать, воссоздавать и разрушать их отношения.

Кроме того, как в любой семейной саге, в этой книге на судьбу членов семьи сильно влияет изменение их положения, политические события, связанные с их повседневной жизнью, с развитием общества. Потому что им приходилось выживать, постоянно сталкиваясь с различными

вызовами — войнами, эпидемиями, техническим прогрессом, социальной деградацией, политической нестабильностью и т. д.

Итак, было бы логично сказать, что «Последний поклон» В. Астафьева по своему жанру хотя и названа автором «повестью в рассказах», не только структурирован в форме семейной саги (несколько сотен страниц с прозаическими повествованиями, охватывающими события нескольких десятилетий), но также основан на тематическом подходе, характерном именно для семейной саги, поскольку включает внутрисемейные и межсемейные взаимодействия, а также исследует отношения между поколениями. В то же время эта книга дополнена и теми элементами идеальной семейной саги, которые определяет для этого жанра Никольский: соблюдены принцип четкой хронологии, а также правило линейного принципа, которое текстуально формируется датировкой событий, обозначением действия глав, соотношением событий романа и событий истории страны, а также естественной хронологией взросления и старения персонажей [Никольский, 2011]. Таким образом, в этой книге представлены все те элементы, которые мы отмечали выше, и, соответственно, можно справедливо говорить о том, что представленные картины судьбы автора, переплетенные с судьбами других членов своей семьи, делают произведение прекрасным образцом жанра семейной саги.

Выводы

Исследование «Последнего поклона» в контексте теоретического анализа жанра семейной саги показывает, что, поскольку эта книга представляет жизнь нескольких поколений в деревне в советское время (рассказывая историю семей Потылицыных, Астафьевых и Левонтьевских, начиная с послереволюционного периода, описывая смену господствующих идеологий от одного поколения к другому), она однозначно вписывается в указанный жанр. В произведении образы личного мира Астафьева создаются и развиваются в контексте социальной и повседневной жизни трех поколений и представлены как в социально-историческом, так и в типологическом порядке. По этой причине, хотя автор и назвал книгу «Повестью в рассказах», что часто воспринимается критиками как жанровое определение, результаты данного исследования позволяют уверенно приписать «Последнему поклону» новое измерение, рассматривая его в рамках жанра семейной саги.

Библиографический список

Смирнова А. И. В. П. Астафьев и музыка // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2013. № 12.

Зверев В. В. «Последний поклон» В. П. Астафьева и основы крестьянского мира // *Крестьяноведение*. 2020. Т. 5. № 4.

Колпаков А. Ю. Система концовок рассказов и образ мира в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2010. № 1.

Копытко Н. В., Никольский Е. В. Функции жанровых признаков семейной хроники в романе Джойс Кэрол оутс «Барельеф» // *Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология*. 2017. Т. 27. № 2.

Никольский Е. В. Жанр романа семейной хроники в русской литературе рубежа тысячелетий // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение*. 2011. № 4.

Никольский Е. В. Семейные истории в раннем творчестве Орхана Памука: идеология и поэтика // *Studia Humanitatis*. 2016. № 2.

Орлова Г. А. Виктор Петрович Астафьев: образы Родины // *Ученые записки Новгородского государственного университета*. 2019. Т. 2. № 20.

Ревенко И. В. Реализация составляющих концепта «дом» в «Последнем поклоне» В. П. Астафьева // *Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева*. 2017. Т. 4. № 42.

Хрущева Д. Жанр семейной хроники в романе Ын Хигён «Тайна и ложь» // *Казанский вестник молодых ученых*. 2018. Т. 2. № 1 (4).

Чжэн Я. «Последний поклон» В. П. Астафьева: История создания. Жанр // *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*. 2011. № 4.

Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. Oxford University Press, 1987.

Harris J. & Rowe E. A. *Short Prose Narrative (tátr)*. In Mc Turk, Rory (ed.): *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. Blackwell Publishing: Malden, Oxford & Carlton, 2005.

Stephens R. *The Family Saga in the South: Generations and Destinies (Southern Literary Studies)*. LSU Press, 1995.

Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford, 1996.

Vliet V. J. The American Family Saga in Jeffrey Eugenides' *Middlesex* and Jonathan's Franzen's *Freedom*. *Oakland Journal*, 2011. No. 21.

Williamson V. What is a Saga? Strategies for Defining the Genre. *Introduction to The Liverpool Sagas 1974-1997*. Amsterdam University Press, 2003.

Wheeler, K. H. *The Family Saga Novel Deconstructed*. authorkathleenhwheeler.com, 2014 URL: <https://authorkathleenhwheeler.com/2014/11/21/family-saga-novel-deconstructed/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Астафьев В. Последний поклон: Повесть в рассказах. М. : Изд во Эксмо, 2003.

References

Smirnova A. I. V. P. *Astafyev i mujika*. [V. P. Astafyev and music]. In: *Vestnik Volgogradskaya gosudarstvennaya universiteta*. [Bulletin of the Volgograd State University]. Series 8: Literary studies. Journalism. 2013. No. 12.

Zverev V. V. "Posledniy poklon" V. P. Astaf'yeva i osnovy krest'yanskogo mira. ["Last Bow" by V. P. Astafiev and the Foundations of the Peasant World]. In: *Krest'yanovedeniye*. [Peasant studies]. 2020. Vol. 5. No. 4.

Kolpakov A. YU. *Sistema kontsovok rasskazov i obraz mira v "Poslednem poklone" V. P. Astaf'yeva*. [The system of story endings and the image of the world in "The Last Bow" by V. P. Astafyev]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva*. [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev]. 2010. No. 1.

Kopytko N. V., Nikolsky E. V. *unktsii zhanrovyykh priznakov semeynoy khroniki v romane Dzhoys Kerol out-s "Barel'yef"*. [Functions of genre features of the family chronicle in the novel "Bas-relief" by Joyce Carol Oates]. *Vestnik Udmurt-skogo universiteta*. [Bulletin of the Udmurt University]. Series "History and Philology". Vol. 27. 2017. No. 2.

Nikolsky E. V. *Zhanr romana semeynoy khroniki v russkoy literature rubezha tysyacheletiy*. [The genre of the novel of family chronicles in the Russian literature of the turn of the millennium]. In: *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Bulletin of the Adygeya State University]. Series 2: Philology and Art History]. 2011. No. 4.

Nikolsky E. V. *Semeynyye istorii v rannem tvorchestve Orkhana Pamuka: ideologiya i poetika*. [Family stories in the early work of Orhan Pamuk: ideology and poetics]. In: [Studia Humanitatis]. 2016. No. 2.

Orlova G. A. *Viktor Petrovich Astaf'yev: obrazy Rodiny*. [Viktor Petrovich Astafyev: Images of the Motherland]. In: *Uchenyye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. [Scientific Notes of the Novgorod State University]. 2019. Vol. 2. No. 20.

Revenko I. V. *Realizatsiya sostavlyayushchikh kontsepta "Dom" v "Poslednem poklone" V. P. Astaf'yeva*. [Implementation of the components of the concept "House" in the "Last Bow" by V. P. Astafiev]. In: *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'yeva*. [Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev]. 2017. Vol. 4. No. 42.

Khrushcheva D. *Zhanr semeynoy khroniki v romane Yn Khigën "tayna i lozh'"*. [The genre of family chronicles in the novel by Eun Higen "mystery and lies"]. In:

Kazanskiy vestnik molodykh uchënykh. [Kazan Bulletin of Young Scientists]. 2018. Vol. 2. No. 1 (4).

Zheng Y. "Posledniy poklon" V.P. Astaf'yeva: *Istoriya sozdaniya. Zhanr*. ["The Last Bow" by V.P. Astafyev: The history of creation. Genre]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. [Bulletin of the Moscow University]. Series 9: Philology. 2011. No. 4.

Conquest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror-Famine*. Oxford University Press, 1987.

Harris J. & Rowe E.A. *Short Prose Narrative (tátr)*. In Mc Turk, Rory (ed.): *A Companion to Old Norse-Icelandic Literature and Culture*. Blackwell Publishing: Malden, Oxford & Carlton, 2005.

Stephens R. *The Family Saga in the South: Generations and Destinies*. LSU Press, 1995.

Viola L. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. Oxford, 1996.

Vliet V. J. *The American Family Saga in Jeffrey Eugenides' Middlesex and Jonathan's Franzen's Freedom*. Oakland Journal. 2011. No. 21.

Williamson V. *What is a Saga? Strategies for Defining the Genre. Introduction to The Liverpool Sagas 1974-1997*. Amsterdam University Press, 2003.

Wheeler K. H. *The Family Saga Novel Deconstructed*. 2014 URL: <https://authorkathleenwheeler.com/2014/11/21/family-saga-novel-deconstructed/>

List of sources

Astafyev V. *The last bow: A Story in stories*. Moscow: Publishing House of Eksmo, 2003.